

[ПАМЯТИ ПОЭТА]

Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ

(1938–2021)

Игорь Иванович Шклярёвский – советский и российский поэт, переводчик. Лауреат Государственной премии СССР (1987). Переводил со славянских языков. В 1979 опубликовал перевод «Слова о полку Игореве», высоко оценённый крупнейшим специалистом по древнерусской литературе Дмитрием Лихачёвым.

Покойтесь с миром, дорогой Игорь Иванович!

Редсовет альманаха «День поэзии – XXI век». 2020–2021 гг.

Сергей АЛИХАНОВ

«РОДНОЕ НЕБО ГЛУБЖЕ ОКЕАНА...»

С Игорем Шкляревским мы познакомились и подружились осенью 1968 года в Тбилиси, когда в составе московской писательской делегации он прилетел на Бараташвилевские дни.

В Москве наши встречи продолжились – Игорь Шкляревский жил в однокомнатной квартире на Байкальской улице, неподалеку от Первомайского метро. В 1971–73 годах я учился в аспирантуре ГЦОЛИФКа на Сиреневом бульваре, и после занятий часто – всегда по приглашению Игоря – заходил к нему на чай. Несколько раз мы с ним ездили в ГЦОЛИФК, и играли там в баскетбол один на один в пустом зале при кафедре Спортивных игр.

С Архангельского аэропорта на Кегострове мы долетели до Мезени, а оттуда на АН-2 до деревни Сояна. С высокого косогора, на котором расположена эта деревня, мы спустились к реке Сояне и сквозь прозрачное течение увидели, как огромный косяк сёмги уходил по реке в Белое море! Со своими снастями мы, конечно, не могли поймать и тысячную долю только этой стаи – а сколько таких косяков приходило на нерест! Поэтому гостеприимный Председатель рыболовецкого Совхоза «Сояна» Иван Иванович – его звали как моего отца, был рад нашему приезду, и принял нас в своей избе. Владимир Нечаев пилот АН-2, на котором мы прилетели из Мезени, на следующее утро отвёз нас на моторке в верховье.

Как только мы выгрузили палатку и поклажу на берег, Нечаев ушёл назад в деревню, я стал обустривать лагерь. Игорь страстный рыбак, сразу расчехлил спиннинг и стал ловить сёмгу. Со второго, с третьего ли заброса блесна зацепилась за корягу. Чем сильнее Игорь дергал, тем плотнее и глубже был зацеп. Игорь взглянул на меня. Я разделся, проплыл в ледяной воде и освободил блесну.

– Ты из наших, – поблагодарил меня Игорь.

Так начались наши с Игорем Северные странствия. Мы рыбачили на Сояне, на Мегре, чтобы прожить. Везли рыбу в Москву в чемоданах, в тузлуке, в тройных пластиковых мешках. У меня аж позвоночник трещал, когда я – вроде налегке – входил с уловом в плацкартный вагон поезда «Архангельск – Москва». Как рыба кончалась, мы весной, когда сёмга возвращается на нерест, или под осень, когда «белая» опять уходит в море, снова отправлялись на Сояну, на Мегру, однажды – на Кулой. Жили мы возле рек недели три, а то и месяца. Редко доводилось пообщаться с каким-нибудь местным рыбаком – никакой связи с внешним миром у нас не было:

Пусто. Холодно. Поздняя осень пришла.
В старых руслах вода ледяная светла.
И душа, как долина, безлюдна.
Хорошо выгребать
в два весёлых весла,
а теперь плоскодонка моя тяжела
и гонять её против течения трудно...
Бесполезно вздыхать. Мир не станет другим
только лишь оттого, что тебе захотелось
совместить и свободу,
и женщины верность,
и остаться над светлой водой молодым!

В следующем, в 1979 году мы с Игорем рыбачили на севере два раза по месяцу – весной на Сояне, осенью на Мегре. Вдоль всего русла Мегры не было и нет ни одного посёлка. Пограничникам было скучно. Вот они нас и забрасывали в верховье Мегры на вертолёте – по договорённости забирали. Всё бесплатно. Да и денег никаких не было.

Забредая вдоль рек далеко от своего костровища, мы с Игорем спали в охотничьих курных избах, разжигая в них костры по-чёрному, – головами на одном полене. Медведи всё время рядом, но видел я их всего раза три – издали, возле болотной морошки. А свежие следы медвежьих лап – каждый день...

Летом мы стали ездить и ловить краснопёрку, плотву на Припять. Сначала мы приезжали в Могилёв, гостили у матери Игоря – прекрасно помню Ксению Александровну. И их трёхкомнатную квартиру, расположенную на центральной площади, если смотреть на райком, то в одном из домов справа.

В мой первый приезд в Могилёв, на следующее же утро, мы с Игорем поехали на его родину – в Бельнычи – на родовое кладбище. Меня поразило – каким многочисленным был род Шкляревских. Перед тем как покинуть кладбище, Игорь низко поклонился родным надгробиям:

Дай мне всё! Я не стану богаче.
Всё возьми! Я не стану бедней.
Над болотами чибис заплачет,
ночью станет в полях холодней.
Скоро ивы наклонят ненастье
я заруюсь под стог с головой.
И озноб есть в запасе у счастья,
и во мраке летающий вой...

Из Могилёва мы ехали в Минск. Там два-три дня жили в мастерской художника Бориса Заборова, который оформил второй сборник стихов Игоря Шкляревского «Фортуна».

Борис Заборов писал как обычный советский художник, тогда ещё он не выработал свою манеру – быт и портреты белорусских крестьян в стилистике старых дагерротипов. В мастерской Борис познакомил нас со своей женой, которая оказалась второй дочерью безвинно погибшего поэта Бориса Корнилова. Знаменитым художником Борис Заборов стал уже во Франции, – его потрясающие, ностальгические, пронзающие душу полотна покупала даже Флорентийская галерея Уффици, самая посещаемая картинная галерея Италии. В чём-то Борис Заборов повторил судьбу и творческий путь Игоря Шкляревского.

Майский вечер. Открытая книга.
В старой лампе шуршит мотылёк.
Льётся тихая музыка Грига,
из вселенной сквозит холодок.

Впереди – могилёвское лето,
полустанки, грибные дожди,
окна, полные тёплого света,
всё, что было, – ещё впереди...

В общей сложности за семь лет мы прожили с Игорем Шкляревским в одной палатке на реках, наверное, год. С нами ездил раз-другой Анатолий Заболоцкий – оператор Василия Шукшина на «Калине красной». Часто ездил на рыбалку брат Игоря – Олег.

Вот что о том времени написал Игорь Шкляревский: *«Много лет мы бродили с Алихановым по берегам северных рек, смотрели в костёр и слушали, как шумит северное небо, полное холода, мрака и бледных сияний. Нас породнила не корысть и не взаимная выгода, наоборот – безлюдье и затерянность в бесконечности. Север честнее многолюдной земли, там одинокий – взаправду одинок... Зато ты остаёшься наедине с самим собой, ты, как в детстве, радуешься на дне рюкзака пакету дешёвых конфет, радуешься солнцу после унылых дождей, радуешься – загорелось мокрое дерево в костре, радуешься звуку далёкой моторной лодки и кричишь: "Человек! Человек!"...»*

Под зелёным дубом горит наш последний осенний костёр, а мы не знаем, что последний. Мы не знаем, что впереди черныбыльский год... черныбыльские века...».

Вместе мы ставили палатку, чистили и солили рыбу, разжигали костёр, варили уху, надували резиновую лодку. Руки Игоря я сразу вижу внутренним взором и представляю их, как руки своего отца...

И все эти годы Игорь Шкляревский насыщал свою душу природой – напивался реками, ветром, дождями, шумом порогов, скрипом сосен. Жить и выжить в той первобытности, можно было только слившись полностью с природой, став её частью. Своим полным единением со стихиями, Игорь Шкляревский спасался возле любимых рек от распадающихся социальных связей.

На берегу Днепра в лесной отчизне,
в родном доме, в тревожной тишине,
где книги толстые напоминают мне
о радостях неторопливой жизни,
где я тетради старые свои
перелистал и вдруг душа заныла, –
фиалками в оврагах отцвели
тех вёсен водянистые чернила...

Река спадает, входит в берега,
недвижен лес за полосой тумана.

Пусть ветер гонит к морю облака.
Родное небо глубже океана...

Поэт чувствовал свою лирическую ответственность за всё происходящее в русском мире. Неограниченное чувство свободы, сущностные свойства его личности дали ему возможность прямого интуитивного познания и природы, и всей Вселенной. Достигнув понимания, Игорь Шкляревский вдохновенно и сразу же выражал и записывал их непосредственно в стихах, безо всякого предварительного замысла и внутреннего подстрочника. Александр Межиров назвал Игоря Шкляревского *«первым лириком современной России»*.

Внутренний процесс духовного развития Игоря Шкляревского – в непрерывном общении с природой, которое продолжалось всю его жизнь! Совершенствование его необыкновенного дара происходило возле и посредством рек, лесов, Беловежской пуши, на опушке которой стояла наша палатка, а над нами пролетали чёрные аисты. Поэт Игорь Шкляревский идентифицировал себя исключительно на сходстве и контрастах происходящих вокруг него явлений, вполне осознавая, что его гений даден ему изначально и непосредственно самой природой.

Просодии Игоря Шкляревского свойственен традиционализм, в его поэтике естественно и явственно ощущается вся художественная культура русского поэтического наследия. «Слово о полку Игореве» он знал наизусть на древнерусском.

В стеклянном шкафу отражается даль,
и белое облако вдруг наплывает
на русский Толковый словарь...

Сорока летит, и её отраженье
мелькает в стеклянном шкафу,
скользя по Ключевскому, по Соловьёву,
на Блока присела слегка,

почистила клюв и с зелёной ограды
планирует за переплёт «Илиады»,
а дальше уже – синева, облака...

На сохранившихся фотографиях тех далёких лет поражает безмятежное спокойствие, с которым мы с ним сидим – неделю за неделей – у рыбацкого костра возле совершенно безлюдных от истока до устья северных рек, без сотовых телефонов, да и без потребности кому-либо позвонить. Мы выживали, и мы выжили. Разговоры о стихах и поэтах в тайге были редкими. Запомнилось – я написал о его однокурснике по Литинституту Николае Рубцове, и Игорь вдруг у костра сказал: *«Николай приходил на семинары не в сапогах, а в валенках»*.

После Чернобыля поездок на рыбалку больше не стало, и наше общение стало телефонным... В течение многих лет – уже ближе к ночи Игорь порой звонил мне, и мы с ним долго говорили по общему коммунальному телефону. Игорь сказал мне однажды: *«Слова придут к тебе сами, если тебе есть что сказать»*.

Когда я улетал в Тбилиси переводить грузинских поэтов, мы писали друг другу письма. И все его письма – а в одном есть даже поэма «Наводнение в Полесье» – бережно хранятся.

Мы встречались с Игорем в ЦДЛ, когда я готовил материал в «Новые Известия» к его 80-летию. Мы и не знали тогда что эта наша встреча – последняя.

По телефону, я прочёл Игорю вышедший в газете материал, и он его одобрил...

Вечная память дорогому другу Игорю Шкляревскому!

И вечная жизнь его поэзии!

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

(Отрывок из поэмы)

На Дунае Ярославнин голос слышится.
Зегзицею незнаемой кукует рано:

«Полечу далеко по Дунаю,
долечу до реки до Каялы,
омочу в ней рукав свой белый,
оботру князю кровавые раны
на теле его несчастном».

Ярославна
чуть свет причитает
на стене городской во Путивле:
«О ветер-ветрило,
зачем ты так сильно веешь,
стрелы ворога сеешь на полки моей лады?
Или мало тебе развеять наше горе,
корабли лелеять, волнуя синее море?
Зачем ты мое веселье
по ковылям развеял?»

Ярославна
чуть свет причитает
на стене городской во Путивле:
«О Днепр Словутич,
ты пробил каменистые горы
сквозь землю Половецкую!
На себе ты лелеял челны Святослава
до полков Кобяка.
Прилелей же ко мне мою ладу,
чтоб не слала я издалека
к морю слёзы свои так рано!»

Ярославна
чуть свет причитает
на стене городской во Путивле:
«Солнце светло-тресветлое,
всем ты красно и тепло.
Все тебе рады.
Зачем ты лучи горячие
шлешь на полки моей лады?
В поле безводном
луки расслабило зноем,
тоской оплело колчаны...»

И прыснуло море в полуночи.
Смерчи нагнали мглу.
Князю Игорю бог путь кажет
из земли Половецкой

на землю Русскую,
к отчему золотому столу.
Погасли вечерние зори.
Игорь спит. Игорь не спит.
Игорь мыслию мерит поля –
от великого Дона к Донцу.
В полночь свистнул Овлур за рекой коня,
знак подал – наготове быть.
Велит Игорю выходить.
Застучала земля. Зашумела трава.
Половецкие вежи задвигались.
Горностаем князь в тростниках мелькнул.
Белым гоголем на воду пал.
Вскочил на коня борзого,
соскочил босым волком
и к Донцу побежал лугами.

Прянул соколом под облаками,
избивая гусей-лебедей
к завтраку, и к обеду, и ужину.
И когда Игорь соколом полетел,
тогда волком Овлур потёк,
и трусил он росу студёную,
ведь коней борзых надорвали.

И сказал Донец:
«Здравствуй, Игорь-князь.
Много тебе – славы,
Русской земле – веселья,
а Кончаку – похмелья».

И ответил реке беглец:
«О, Донец! И тебе много славы,
что струги князя водой лелеял,
траву подстилал зелёную
на своих серебряных берегах,
тёплой мглой его одевал,
тенью дерева укрывал,
гоголем на воде стерёг,
чаицей на волнах,
чернядью на ветрах.
Не такая река Стugna.
Хилой своей струей
пожрала чужие ручьи она.
И под куст затянула
князя юного Ростислава –
затворила на дне
возле тёмного берега.
Плачет мать Ростислава.
Приуныли цветы от жалости,
преклонилось с тоскою дерево».

.....

Говорил Боян величаво,
песнотворец дней Ярослава:
«Тяжело без плеч голове.
Худо телу без головы».
Так и Русской земле без Игоря.

Солнце светит на небесах.
Солнце светит – князь Игорь едет.
Девицы поют на Дунае –
через море до Киева вьются их голоса.
По Боричеву Игорь едет

ко святой Богородице Пирогощей.
Рады, веселы – грады и веси!

Мы воспели князей былых.
Воспоем же и молодых.
Слава Игорю Святославичу,
слава Всеволоду буй-туру!
И Владимиру, сыну Игоря, – слава.
И да пребудет здрава
рать, поборая за христиан
против гнета полков поганых,
Русь в отпоре своем едином.
Слава нашим князьям и дружинам!